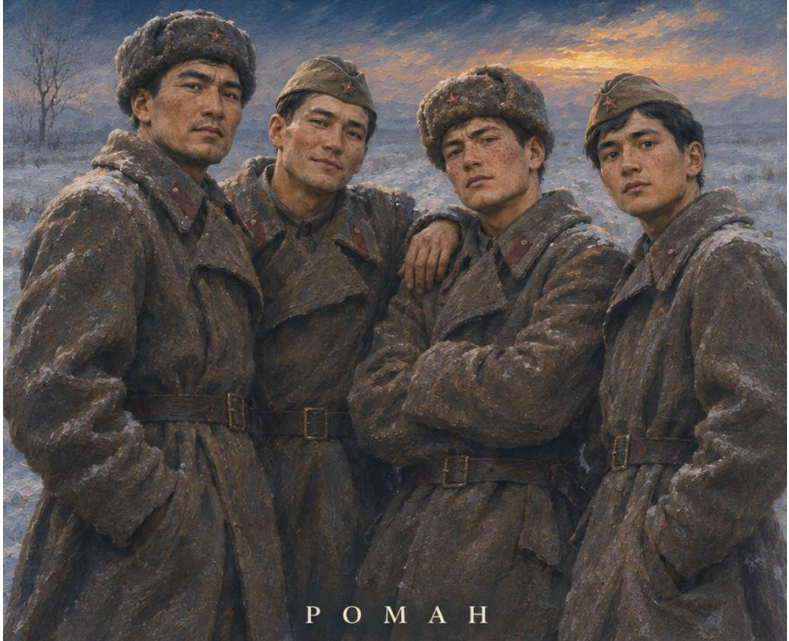
ТАЛГАТ СЕРИКБАЙ

КОНЕЦ ВОЙНЫ

РОМАН

Талгат Серикбай

Конец войны. Бесплатная версия

https://litres.ru/74733478
SelfPub; 2026

Аннотация

Габит чудом переживает расстрел, в котором погибают трое его братьев. После войны, став начальником лагеря, он узнаёт среди немецких военнопленных их убийц. Теперь их жизни зависят от его решения. Сделанный выбор свяжет две семьи на десятилетия.

«Конец войны» — роман о памяти, которая не отпускает, и о человеке, пытающемся освободиться от ненависти, не предав погибших.

Талгат Серикбай
Конец войны.
Бесплатная версия

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Роман

Первая редакция рукописи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДВА ДОМА

Глава первая. Четыре сына Серикбая

Казахская ССР. Предгорья Заилийского Алатау. Август 1938 года.

Тогжан различала сыновей по тому, как они открывали калитку.

Талгат всегда придерживал её, чтобы железная щеколда не ударила о деревянный столб. Тлек входил тихо, обычно с книгой под мышкой, и не сразу замечал, что мать зовёт его к обеду. Жандос распахивал калитку ногой, точно она была виновата в том, что весь день ему приходилось работать. А Габит, младший, любил сперва заглянуть в щель между досками, узнать, чем заняты домашние, и только потом появиться во дворе.

В тот день Талгат вернулся раньше обычного. Он принёс

из школы стопку старых тетрадей и маленькую жестяную коробку с винтами. До начала занятий оставалось две недели; сельский учитель попросил его привести в порядок счётную машину, которую давно никто не мог заставить работать.

— Опять железки? — спросила мать, увидев коробку.

— Там ничего сложного, апа. Погнулась одна ось.

— Тебе двадцать три года. У других к этому возрасту хозяйство, а у тебя всё оси да задачи.

— Хозяйство у меня тоже есть. Три брата.

Тогжан усмехнулась, но ненадолго. Ей нужно было уходить в поле, где она помогала на уборке, а Серикбай с утра работал у колхозного склада. Перед уходом она, как всегда, оставила распоряжения старшему:

— Проследи за телёнком. Тлек принесёт воду. Жандос пусть закроет загон до темноты. Габит уберёт во дворе. И сам поешь, не забудь.

Талгат кивнул. Он не стал записывать задания: давно привык держать в голове и хозяйственные мелочи, и номера деталей, и школьные формулы. С детства учителя называли его удивительно способным мальчиком. Он решал задачи быстрее старших учеников, однажды исправил ошибку в учебнике и за это неделю ходил с важным видом, пока отец не сказал, что ум измеряется не тем, как часто человек оказывается прав.

Стоило родителям уйти, как все трое младших обнаружили неотложные дела.

Тлек хотел дочитать книгу, которую должен был вернуть библиотекарю. Жандос собирался посмотреть жеребца в соседнем дворе. Габит присел у арыка, где муравьи волокли сухую стрекозу, и уверял, что просто так уйти от такого зрелища нельзя.

— А воду кто принесёт? — спросил Талгат.

Тлек поднял на него красивые, почти девичьи глаза. За эти глаза, мягкую улыбку и светлое лицо его любили все соседки; старухи называли ангелочком, хотя ему уже перевалило за двадцать.

— Сначала дочитаю две страницы.

— Ты это утром говорил.

— Утром оставалось шесть.

Талгат заглянул на раскрытый разворот.

— Что читаешь?

— О человеке, который попал на необитаемый остров.

— И что он там делает?

— Учится жить один.

— Хорошо. Принесёшь воду — расскажешь мне, как он справлялся без братьев.

Тлек закрыл книгу. Он терпеть не мог останавливаться на самом интересном месте, но ещё сильнее любил, когда ему давали возможность пересказать прочитанное. С вёдрами он ушёл без дальнейших уговоров.

Жандос оказался труднее.

Он стоял у калитки, запрокинув голову к солнцу. Рыжева-

тые волосы выгорели почти добела, а веснушки на носу выступали ещё ярче. На старших он не походил, на младшего — тем более, и давно научился делать вид, будто не слышит сравнений.

— Жандос, загон.

— Сам закрой.

— Мне мать поручила проверить, чтобы ты закрыл.

— Вот и проверяй, как закроешь сам.

Талгат почувствовал знакомое раздражение. Иногда хотелось просто взять брата за шиворот. Но Жандос в такие минуты только сильнее упирался, словно весь мир требовал от него подчинения и он должен был кому-нибудь доказать, что не уступит.

— Ладно, — сказал Талгат. — Я закрою. А вечером скажу отцу, что зря он тебя хвалил.

Жандос мгновенно повернулся.

— За что хвалил?

— Сказал, ты лучше всех умеешь обращаться со скотиной. Я думал, он прав.

Жандос помолчал, потом оттолкнул калитку.

— Не трогай загон. Сам справлюсь.

Талгат улыбнулся лишь после того, как брат скрылся за сараем.

Габит тем временем успел разобрать старый дверной замок. Винтики лежали перед ним на куске тряпки, аккуратно, по размеру.

— Двор, — напомнил Талгат.

— Я понял, почему он заедает.

— А я понял, почему у нас никто не может закрыть кладовку.

Габит посмотрел на него огромными тёмными глазами — точь-в-точь Тогжан, когда она удивлялась.

— Если сейчас соберу, он опять будет заедать. Надо подпилить вот здесь.

Талгат присел рядом. Младший не говорил попусту: у него действительно была редкая привычка разбираться в устройстве вещей. Там, где другие ударяли по сломанному предмету, Габит спрашивал, почему тот перестал работать.

— Подпили, — разрешил Талгат. — Потом уберём вдвоём. Но только быстро.

— Почему вдвоём?

— Потому что я обещал матери, что всё будет сделано.

— А я ей не обещал.

— Ты её сын. Этого достаточно.

Габит подумал и протянул брату маленькую отвёртку.

К вечеру вода была принесена, загон закрыт, замок исправлен. Тогжан, вернувшись с работы, удивилась не порядку, а тому, что никто не жаловался.

Талгат сидел у лампы над школьными тетрадями. Мать коснулась его плеча.

— Опять за всех отвечал?

— Нет. Они всё сами сделали.

— И не спорили?

— Спорили, апа. Но потом договорились.

Когда дом затих, Серикбай сел рядом со старшим сыном и взглянул на расчёты, покрывавшие лист.

— Ты бы мог жить в городе, — сказал он. — Учиться дальше. Не сидеть здесь над чужими машинами.

— Поеду когда-нибудь.

— Когда?

Талгат закрыл тетрадь.

— Когда будут знать, что без меня справятся.

Отец хмыкнул.

— Тогда не поедешь никогда. Младшие всегда останутся младшими для тебя.

Они посидели молча. Из соседней комнаты донёсся смех Тлека, затем сердитое замечание Жандоса. Габит что-то прошептал, и смех повторился.

Талгат невольно прислушался. Ему нравилось, что братья рядом и что даже за стеной он различает каждого по голосу.

Глава вторая. Дом, в котором шли часы

Германия. Саксония. Август 1938 года.

У Отто Вайса дома всегда тикало несколько десятков часов. Настенные, карманные, дорожные, с кукушкой и без неё; старые механизмы, которым он возвращал ход, и новые, которые владельцы ломали почти сразу после покупки.

На левой руке Отто не хватало двух пальцев. Он потерял

их в прошлую войну и с тех пор терпеть не мог военных песен. Старший сын, Конрад, считал эту нелюбовь признаком возраста. Младший, Эмиль, старался не спрашивать.

Конрад был широкоплеч, собран и удивительно аккуратен. Он любил чёткие правила, громкие речи, строевые марши. Новая Германия казалась ему страной, где человек наконец может быть уверен в завтрашнем дне. Он не понимал, почему отец не разделяет его воодушевления.

Эмиль был совсем другим — худой, с длинными пальцами и внимательным взглядом. Он мог часами возиться с пружиной размером с ноготь. Конрад насмехался над его увлечением.

— Ты всю жизнь собираешься чинить часы?

— А ты всю жизнь собираешься кому-нибудь отдавать честь?

— По крайней мере, я буду полезен стране.

— Я тоже. Людям нужно знать, который час.

Отто, услышав последнее, улыбнулся в усы.

В тот вечер за ужином Конрад сообщил, что собирается служить в армии. Мать, Эльза, положила ложку. Отто продолжал резать хлеб и лишь потом спросил:

— Зачем?

— Потому что сейчас всем нужно что-то делать для Германии.

— Я тоже так думал в твоём возрасте.

— Но теперь всё иначе.

Отто поднял левую руку.

— Именно это мне говорили, когда я был молодым.

— Ты вечно вспоминаешь ту войну.

— Потому что хорошо её помню.

Конрад встал прежде, чем мать успела остановить спор.

Позднее Эмиль нашёл его во дворе.

— Отец боится, — сказал младший.

— Пускай боится за себя.

— Он боится за нас.

Конрад пожал плечами и посмотрел на вечернюю площадь. Там молодые люди в форме уже разучивали марш под барабан.

— Когда всё начнётся, надо будет выбирать сторону, Эмиль.

— А если я не хочу выбирать?

— Тогда за тебя выберут другие.

Из распахнутого окна мастерской доносилось тиканье. Эмиль вдруг подумал, что дома все часы показывают разное время, но отец умеет привести их к согласию. С людьми у него это получалось куда хуже.

Глава третья. То, чего не хватало Жандосу

Казахская ССР. Осень 1938 года.

В школе Талгату давно перестали задавать вопросы по арифметике. Он уже работал на железной дороге и приезжал домой не каждую неделю, но бывший учитель по-прежнему

показывал его тетради новым ученикам: мелкий точный почерк, решения в две строки там, где другие исписывали страницу.

— Отправляйся учиться в Алма-Ату, — говорил ему учитель. — Тебе нужно больше, чем наше депо.

Талгат обещал подумать. Он действительно хотел учиться. Но недавно женился на Айсулу, и теперь его мысли всё чаще возвращались к съёмной комнате, к жене, которая ждала его после смены, и к деньгам, которых почему-то всегда не хватало.

Тлек же ни о чём, кроме учёбы, говорить не хотел. Он помогал в школе, приносил книги из районной библиотеки и читал вслух всем, кто соглашался слушать. Соседские девушки придумывали поводы пройти мимо их двора, а Тлек, если замечал их, улыбался и снова склонялся над книгой.

— Вот повезло ему, — однажды сказал Жандос.

— С чем? — спросил Габит.

— Родился красивым. Больше ничего не нужно.

— Ему нужно. Он каждый день читает.

— Потому что ему никто не поручает телят.

Жандос произнёс это с усмешкой, но Габит почувствовал обиду. Тогжан действительно чаще просила третьего сына о тяжёлой работе. Жандос был вынослив, с лошадьми управлялся лучше всех и, в отличие от Тлека, никогда не уходил в книгу, забыв о часах. Мать полагалась на него, не догадываясь, что он слышит в каждом поручении: «Ты годишься

только для этого».

Весной Жандос укротил молодого жеребца, которого несколько дней не могли оседлать взрослые мужчины. Он ждал, что отец похвалит его при всех. Серикбай лишь сказал:

— Молодец. Только не зазнавайся.

Вечером Тлек принёс из школы грамоту за успехи учеников. Тогжан поставила её возле окна, чтобы показать соседям.

Жандос ушёл в конюшню.

Талгат нашёл его уже в темноте.

— Почему не ужинаешь?

— Не голоден.

— Мать тебя звала.

— Конечно. Надо же кому-то сено принести.

Старший брат сел на перевёрнутое ведро. Сразу расспрашивать он не стал: Жандос терпеть не мог, когда его жалели.

— Хорошего коня ты вырастил, — сказал Талгат.

Жандос повёл плечом.

— Я знаю.

— Мне отец говорил, что никто, кроме тебя, не справился бы.

— Почему мне не сказал?

Талгат задумался.

— Иногда взрослые считают, что то, на что можно положиться, не требует похвалы. Это неправильно.

Жандос впервые за вечер взглянул на него прямо.

— А ты бы похвалил?

— Я и хвалю.

— Ты старший. Тебе положено.

Талгат рассмеялся.

— Значит, не считается?

Жандос тоже чуть улыбнулся. Он всё ещё не верил, что старший брат понимает его, но рядом с ним легче было сердиться на весь мир.

В доме зажгли свет. Тогжан звала сыновей ужинать. Тлек вышел на крыльцо с раскрытой книгой, а Габит присел возле лампы, пытаясь поймать в стеклянную банку ночную бабочку.

Каждый из четверых жил собственной жизнью. И ни один не сомневался, что завтра они снова соберутся за одним столом.

Глава четвёртая. Разбитое стекло

Германия. Ноябрь 1938 года.

Эмиль проснулся от звона. Сперва решил, что кто-то уронил часы в мастерской, но звон повторился, за ним последовал крик, и мать вышла в коридор в ночной рубашке.

На улице били витрину магазина Якоба Розена — старого часовщика, который когда-то позволял Эмилю разбирать сломанные механизмы. Толпа вытаскивала из лавки вещи и швыряла их на камни.

Розен стоял у стены без шляпы. По лицу стекала кровь.

— Надо что-то сделать, — сказал Эмиль.

Он выбежал за дверь, но Конрад перехватил его у калитки.

— Назад.

— Это господин Розен.

— Я вижу.

— Его убьют!

Конрад сжал его плечо.

— Ты хочешь, чтобы забрали и тебя?

Эмиль посмотрел на людей в форме. Один из них повернул голову в его сторону. Эмиль невольно сделал шаг назад.

Впервые в жизни он с такой ясностью увидел разницу между добрым намерением и поступком. Он хотел помочь старику, но остался там, где было безопасно.

Ночью, когда улица опустела, Эмиль пробрался в разгромленную лавку. На полу лежали серебряные карманные часы с треснувшей крышкой. Он узнал их: Розен несколько лет назад учил его менять в них пружину. Внутри была надпись: «Якобу. От отца. 1902».

Эмиль забрал часы домой.

— Зачем тебе это? — спросил Конрад, заметив находку.

— Они его.

— Тем более выбрось.

— Я хотел бы вернуть.

— Некому будет возвращать.

Эмиль долго смотрел на брата. Тот говорил уверенно и

почти равнодушно, будто речь шла о негодной детали.

Утром Эмиль попытался завести часы. Механизм прошёл несколько минут и остановился. Он разобрал его, исправил повреждённый зубец и запустил снова.

Часы пошли. Но вместо облегчения Эмиль почувствовал стыд: починить механизм оказалось несравнимо легче, чем защитить человека, которому он принадлежал.

Глава пятая. Мир на бумаге

Казахская ССР. Сентябрь 1939 года.

Карту мира Тлек повесил в школьном классе сам. Она была пожелтевшей, с заломами по краям, и если открыть окно, ветер приподнимал её нижнюю часть так, словно там, где находилась Европа, вот-вот что-нибудь оторвётся.

Тлек недавно стал преподавать младшим детям. Прежде чем выйти к доске, он каждый раз проверял, чисты ли у него руки. Ученики любили его за то, что он читал вслух не только положенные по программе тексты, но и рассказы о моряках, путешественниках и далёких городах.

В сентябре пришла весть о войне Германии с Польшей. В райцентре люди окружили репродуктор; Тлек слушал, запоминая незнакомые географические названия. Потом вернулся в школу и долго стоял перед картой.

— Это где? — спросил Габит, вошедший за братом.

— Польша.

— Далеко?

— Очень далеко.

Габит приложил палец к Казахстану и провёл им на запад.

— Если ехать поездом, сколько дней?

— Не знаю точно. Долго.

— Тогда зачем нам об этом говорят?

Тлек открыл рот, но вместо ответа взглянул на огромную полосу страны, соединявшую их с западной границей.

— Потому что на одной карте все места кажутся соседними, — сказал он наконец.

Габит недоверчиво покосился на бумагу.

— На земле ведь не так.

— На земле тоже когда-то становится близко.

За окнами звенели детские голоса. Габит ещё раз посмотрел на Германию. Название было ему известно, но он не представлял, какие там улицы, какие люди и чем они занимаются по вечерам.

В тот же день старший брат приехал из Алма-Аты. Талгат привёз радиоприёмник, который на работе собирались выбросить, и подарок для матери — тёплую шаль. Айсулу осталась в городе: ребёнок должен был родиться через несколько месяцев.

— Ты скоро станешь отцом, — сказал Серикбай после ужина.

— Похоже на то.

— Что будешь делать?

— Работать. Учиться вечером, если примут.

Тогжан удивилась:

— Тебе и так мало дел?

Талгат улыбнулся. Он давно научился не рассказывать матери о своих планах слишком подробно. Иначе она начинала подсчитывать, сколько ему придётся спать, есть и ходить пешком.

У лампы Габит уже вскрыл корпус старого приёмника.

— Ты разрешил? — спросил Талгат.

— Он был сломан.

— Сломанное — не значит ничьё.

— Я не сломал. Я только посмотрел.

Талгат сел рядом. Они провели полвечера среди проводов, пыли и тонких отвёрток. Габит замечал мелкие повреждения быстрее старшего, но не умел рассчитать, как устроена вся цепь. Талгат чертил ему на бумаге простые схемы, и мальчик слушал так внимательно, как никогда не слушал школьные объяснения.

Позже им удалось добиться слабого шороха, затем приглушённого голоса диктора.

— Работает! — прошептал Габит.

Тлек подошёл и присел на край табуретки. Жандос, возвращавшийся со двора, остановился в дверях. Все четверо слушали далёкий голос, не разбирая половины слов.

Тогжан стояла позади них с чашками чая. Её удивляло, что взрослые и почти взрослые сыновья снова сгрудились у одного предмета, как в детстве, когда находили в траве

необычный камень или птичье гнездо.

На следующий день Талгат уехал обратно. Перед отъездом Жандос незаметно сунул ему в карман маленький кожаный ремешок, который сделал сам.

— На часы, — сказал он, когда Талгат обнаружил подарок.

— Ты сам сшил?

— А кто ещё?

Талгат надел ремешок сразу. Жандос сделал вид, что ему всё равно, но потом весь день был необыкновенно доволен.

Глава шестая. Под музыку

Германия. Осень 1939 года.

Оркестр играл у ратуши с раннего утра. Духовые инструменты блестели на солнце, барабаны перекрывали гул голосов, люди выходили из домов и спешили на площадь. Женщины надели праздничные платья. Дети размахивали маленькими флажками. Солдатам дарили цветы.

Конрад Вайс стоял в новом мундире с таким прямым подбородком, будто от его осанки зависело будущее страны. Ему нравилось всё: запах начищенной кожи, торжественная музыка, взгляды девушек, тяжесть оружия.

Эмиль стоял рядом. Форма на нём сидела хуже. Он то поправлял вещевой мешок, то проверял ремень, то машинально ощупывал карман, где лежали часы Розена.

— Ты похож на человека, который собрался не на войну,

а на экзамен, — шепнул Конрад.

— Экзамен обычно можно пересдать.

— Не начинай.

Бургомистр говорил о долге и славе. Толпа аплодировала. Конрад, слушая, чувствовал благодарность: взрослые наконец относились к нему так, как он всегда мечтал. Он был нужен не только семье или мастерской — всей Германии.

Возле каштана стояли Отто и Эльза. Мать держала платок, всё ещё сухой. Отец смотрел поверх голов на оркестр и сжимал губы каждый раз, когда музыка становилась громче.

На вокзале Конрада обнимала Грета, дочь аптекаря.

— Пиши мне, — просила она.

— Обязательно. И не выходи замуж, пока не вернусь.

Она засмеялась. Конрад тоже.

Эмиль, которому некого было целовать, подошёл к родителям. Эльза в последний раз поправила воротник его мундира. Она сказала ему почти то же, что говорила перед первым днём школы:

— Не теряйся. Держись рядом с братом.

Отто протянул сыну правую руку, затем неловко обнял его левой.

— Помни, чему я тебя учил.

— Помню, отец.

— Не только тому, как чинить часы.

Эмиль кивнул.

Отец заговорил тише:

— Приказ легче выполнить, чем потом с ним жить.

Конрад стоял всего в нескольких шагах и услышал последнюю фразу.

— Не надо пугать его, — сказал он. — Я за ним присмотрю.

Отто посмотрел на старшего сына.

— Присматривай. Только не забывай, что он не твой подчинённый.

Прозвучала команда по вагонам. Конрад первым поднялся на подножку. Эмиль обернулся, увидел платок в руках матери и её губы, которые шевелились без звука.

Поезд тронулся. Оркестр заиграл ещё громче. Солдаты высовывались из окон, смеялись, махали фуражками. В соседнем вагоне начали петь. Конрад подхватил песню и толкнул Эмиля плечом.

— Ну что? Настоящая жизнь начинается!

Эмиль смотрел на уменьшающуюся станцию.

— Наверное.

Когда родной город исчез за поворотом, Конрад всё ещё улыбался. У Эмиля от непривычного шума звенело в ушах.

Вечером, когда песня наконец стихла, он достал из кармана часы. Они отмеряли секунды исправно. Только ему казалось, что весь день прошёл гораздо быстрее, чем должен был.

Глава седьмая. Чему учит дорога

Германия, Польша, Франция. 1939–1941 годы.

Война не сразу изменила братьев Вайс. Некоторое время она даже подтверждала всё, во что верил Конрад.

Их часть быстро продвигалась по чужим дорогам. На улицах городов стояли люди, которые не радовались немецким солдатам, но это не смущало Конрада. Победителю, считал он, не обязаны улыбаться побеждённые.

Однажды возле дороги он увидел убитого мужчину с одной босой ногой. Пустой сапог лежал в грязи поодаль. Конрад долго помнил почему-то именно эту подробность, а не лицо мёртвого. Позднее погибших стало столько, что запоминать их он перестал.

Эмиль работал со связью. Это отвечало его способностям: найти оборванный провод, восстановить контакт, разобрать повреждённую аппаратуру. В первые месяцы он убеждал себя, что его руки нужны здесь для ремонта, а не для убийства.

Во Франции Конрад впервые получил отпуск и вернулся в Линденфельд на несколько дней. Он привёз матери отрез ткани, отцу — новые инструменты, а Эмилю, которого тогда оставили при подразделении, написал длинное письмо о том, как гордится им.

Дома Отто спросил:

— Ты стрелял в людей?

Конрад отложил вилку.

— Я солдат.

— Я спросил не об этом.

— Да, отец.

Отто кивнул и больше за столом не говорил. Конрад рассердился. Ему хотелось услышать хотя бы одно доброе слово, хотя бы признание, что он выдержал то, чего отец сам когда-то не смог избежать.

Позднее, на востоке, братья встретились снова.

Летом 1941 года Эмиль увидел русскую деревню: низкие дома, колодец, женщину с ребёнком на руках. Она смотрела на колонну молча, без любопытства и страха на лице. Это молчание почему-то запомнилось ему сильнее всего.

У сарая держали пленных. Один, раненный в ногу, попросил воды, показав на флягу.

Эмиль протянул её. Пленный пил торопливо, проливая на гимнастёрку.

Конрад подошёл незаметно.

— Что ты делаешь?

— Он просил пить.

— Тебе приказали?

— Нет.

— Тогда не занимайся тем, чего тебе не поручали.

Эмиль отдал флягу и пошёл за братом. Вечером пленных увели. Он не спросил куда.

Через несколько недель полевые телефонные линии разорвало артиллерийским огнём. Эмиль всю ночь ползал вдоль траншеи, обжигая пальцы холодным металлом. Когда связь восстановилась, командир похвалил его. В тот же день по исправной линии передали приказ о новом ударе. К вечеру в

соседнем селении горели дома.

Эмиль не знал, были ли связаны эти события. Он старался не думать об этом.

Конрад между тем менялся. В нём по-прежнему оставалась забота о младшем брате, но забота стала похожа на требование подчиняться. Эмиль ловил себя на том, что боялся огорчить его сильнее, чем нарушить чужой приказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.